О. В. Соколова

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

DirectMEDIA

Ольга Соколова

Вопросы ответственности за преступления против порядка управления

«Директ-Медиа»

УДК 343
ББК 67.408

Соколова О. В.

Вопросы ответственности за преступления против порядка управления / О. В. Соколова — «Директ-Медиа»,

Статьи, включенные в сборник, посвящены признакам ряда преступлений против порядка управления, предусмотренных главой 32 Уголовного кодекса РФ, и правилам их уголовно-правовой оценки. Рассматриваются вопросы уголовно-правовой теории, законодательной техники и правоприменительной практики. Предлагаются решения проблем регламентации преступлений против порядка управления и применения отдельных норм главы 32 УК РФ. Делается акцент на вопросах привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 318, 319, 320, 321, 322.1, 328, 330, 330.1 УК РФ.

УДК 343
ББК 67.408

© Соколова О. В.
© Директ-Медиа

Содержание

Преступления против порядка управления: римское и современное уголовное право 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ольга Соколова
Вопросы ответственности за преступления против порядка управления

Преступления против порядка управления: римское и современное уголовное право

До сих пор остается недостаточно изученным публичное римское право. В основном, учеными анализируется право частное. В литературе можно встретить утверждения, что «настоящим правом Рима было право частное (ius privatum), в то время как публичное право (ius publicum) не было стабильным, – и уж тем менее установлением писанным и твердым[1]». Дженнаро Франчози объясняет данную нестабильность чувствительностью ius publicum к колебаниям в политической жизни и, в конечном счете, эволюционирующим вместе с ней.

В последнее время стали появляться работы, посвященные, например, изучению уголовно-правовых узаконений в римском праве. Но, к сожалению, следует констатировать, что ученые практически не упоминают о наличи положений, устанавливающих ответственность за преступления против порядка управления.

Вопрос о преступлениях против порядка управления в его соотношении с римским правом может быть рассмотрен с разных позиций: 1) существовал ли данный вид преступлений непосредственно в римском праве; 2) какие противоправные деяния могли бы с точки зрения современной терминологии называться «преступлениями против порядка управления»; 3) можно ли проследить историю становления в российском законодательстве норм об уголовной ответственности за преступления против порядка управления, начиная с Законов XII таблиц (Leges XII tabularum). Наибольший интерес вызывает последний из указанных аспектов, поскольку затрагивает вопрос о соотношении, взаимосвязи римского права и российского уголовного права.

Именно в этом ключе и будут проанализированы уголовно-правовые нормы, охраняющие порядок управления.

Но прежде определим, какие из деяний были отнесены некоторыми учеными к преступлениям рассматриваемого вида (заметим, что ими не проводится четкая параллель с российским законодательством, т.е. они, на мой взгляд, изучают данный вопрос со второй позиции, отмеченной выше).

Так, например, Е.А. Скрипилев отмечает, что к преступлениям против порядка управления надо отнести т.н. ambitus, т.е. буквально «происки», «обход». Под этим понималось домогательство и получение какой-либо должности с использованием при этом влияния (в том числе, в позднее время, императорских фаворитов). Ученый упоминает также и закон о подлогах (Lex cornelia de falsis), который был издан при Сулле. Этим законом предусматривались разнообразные деяния, совершаемые в корыстных целях: подкуп судьи, подлог в счетах и документах и пр.[2]

О.А. Омельченко также пишет «о подделке и вранье с правовыми последствиями». Смысл этой группы преступлений заключается, по его мнению, в наказуемости *посягательств на установленный порядок правовых отношений и управления*, а также правосудия: подделка

---

[1] *Франчози Дж.* Институционный курс римского права / перевод с итальянского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2004. С. 44.

[2] См.: *Скрипилев Е.А.* Основы римского права. Конспект лекций. 2-е изд. М.: ОСЬ-89, 2000. С. 87–88.

завещаний, фальшивомонетничество, подделки в отношении права и закона (ложное истолкование закона судьями или адвокатами и пр.), подделки в отношении мер и весов. Для одних видов преступлений этой группы подразумевался специальный субъект – судейские и юрисконсульты …[3].

Можно предположить, что с точки зрения некоторых ученых именно эти специальные субъекты имеют отношение к установлению порядков, к их охране. Как отметил А.И. Бойко, «попутное овладение азбукой Таута (древнейшая письменность) позволяет перевести разрозненные ритуальные действия во внятные писанные правила. Рядом с земными, … прагматичными нормативами появляется новый слой управленцев, испытывающих пиетет перед jus, а не fas. Это – юристы»[4]. Соответственно, этих лиц, непосредственно связанных с управлением, некоторые ученые называют субъектами преступлений против порядка управления.

Соглашаясь с мнением Е.А. Скрипилева и О.А. Омельченко, относящих деликты подделки к разряду преступлений против порядка управления, отметим также, что в римском праве встречаются узаконения, направленные на урегулирование отношений, связанных с охраной порядка призыва на воинскую службу и порядка осуществления своего действительного и предполагаемого права. Следует утверждать, что в римском праве можно найти нормы, с которыми будут соприкасаться ст. ст. 328 и 330 УК РФ.

В древнейшее время участие государственной власти в гражданском правосудии было еще неизвестно. Государство того времени – это военный союз, военная организация, которая образовалась, оставив почти неприкосновенной первоначальную общественную организацию[5]. Первые крупные шаги в развитии государственного устройства в VI веке до н.э. представляла реформа Сервия Туллия, которая также была связана и с военной реформой[6]. Речь идет о серьезном увеличении римской военной силы за счет введения воинской обязанности не только для патрициев, но и плебеев (для всех полноправных граждан), что сказалось и на формировании органов управления[7].

В.Н. Токмаков указывает на наличие случаев уклонения от записи в войско. Но таких лиц нередко брали под защиту плебейские трибуны, пользовавшиеся правом интерцессии, а сам набор часто становился ареной противостояния патрициев и плебеев, инструментом борьбы за власть и господство в римской civitas[8]. О каком либо наказании за уклонение автор не пишет. Подчеркивает, что уклонение от военной службы рассматривалось изначально как нарушение высших законов (fas), что было связано с сакральным смыслом присяги (принимая присягу, воины утрачивали гарантии свободного гражданина и как бы обрекали себя головой милости богов). Добавим, что текст Дигест свидетельствует о том, что «в древности уклонявшиеся от призыва (в ополчение) отдавались в рабство, как предатели свободы»[9].

Но с постепенным отделением военной организации от гражданства и превращением войска в орудие государства сакральная основа воинской дисциплины стала уже недостаточной и начала дополняться системой государственного принуждения, публично-правового регулирования[10].

---

[3] См.: *Омельченко О.А.* Римское право: учебник. Изд-е 2, испр. и доп. М.: ТОН-Остожье, 2000. С. 76— 77.

[4] *Бойко А.И.* Римское и современное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 46.

[5] См.: *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 68.

[6] См.: *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 30.

[7] См.: *Токмаков В.Н.* Право и воинская дисциплина в Республиканском Риме // Древнее право. М.: Спарк, 2000. №1 (2). С. 136–143.

[8] *Кофанов Л.Л., Щеголев А.В.* Рецензия на книгу Токмакова В.Н. «Военная организация Рима ранней Республики (VI–IV вв. до н.э.)» // Древнее право. № 1 (4). М.: Спарк, 1999. С. 250–251.

[9] D. 49.16.4.10 // Дигесты Юстиниана / пер. с лат; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. М.: Статут, 2005. С. 319.

[10] См.: *Токмаков В.Н.* Указ. соч. С. 143.

Уклонение от военной службы, по мнению В.Н. Токмакова, уже воспринималось как измена общине (perduellio). Она каралась не только в силу империя магистрата (смертью), но и государственными мерами принуждения: штрафами, телесными наказаниями, заключением в тюрьму.

Е.А. Скрипилев называет также в качестве наказания за неявку на призыв конфискацию имущества. Так, Ливий неоднократно воспроизводит ситуацию в V— III вв., когда тот или иной консул штрафами и угрозами наказаний приводит военнообязанных граждан к присяге[11].

Как видим, это деяние обретает статус государственного правонарушения.

Что касается отношения в римском праве к самостоятельному осуществлению кем-либо своего действительного или предполагаемого права, то исследователи отмечают, что первоначально защита частных прав (личных и имущественных) осуществлялась заинтересованным лицом путем расправы с виновным[12].

В древнем римском праве для обозначения данного явления существовало два термина: 1) talio – частное мщение, подразумевавший под собой причинение обидчику того же зла, какое он причинил потерпевшему. Потерпевший имел право на возмездие к правонарушителю за совершенное им бесправие (любое действие противоречащее праву), обозначаемое как iniuria[13]. 2) иным значением обладал термин vim dicere. Этот термин подразумевал объявление о применении силы при отказе возвратить вещь по доброй воле и тем окончить спор. М. Бартошек замечает, что термин vindicatio – самоуправная отместка за оскорбление, и защита от нападения, и безусловная власть собственника при розыске и возврате спорной вещи, а впоследствии: преследование потерпевшим любого беззакония – происходит исторически именно от термина vim dicere[14].

Только постепенно от самосуда переходят к защите прав через посредство органов государства как организованного аппарата власти. Потерпевший или полагающий, что претерпел нарушение своего права, должен теперь обращаться за помощью к государству и не вправе прибегать к самовольным действиям, которые противоречат допустимым (разрешенным) способам самозащиты. Это правило было отражено в термине vi clam precario (насильственно, тайно, прекарно), который обозначал способы осуществления недозволенного самоуправства при нарушении или лишении владения. Юридические дефиниции каждого из них были в достаточной мере представлены в законах:

Vi factum id videtur esse, qua de re quis cum prohibetur, fecit. – Сделанным насильно считается то, что кто-либо сделал вопреки запрету (Muc.Scaev. Q.D.50. 17. 73. 2). Vis est et tunc, quotiens quis id, quod deberi sibi putat, non per indicem reposcit. – Насилие происходит и тогда, когда кто-либо, полагая, что имеет право требовать что-либо, добывает это без обращения в суд (Coll. D. 4.2.13).

Основываясь на этих правилах, исследователь М. Бартошек небезосновательно пришел к выводу, что термин vis в частном праве означал самоуправное нарушение запрета, налагаемого законом, путем применения силы или принуждения, способное вызвать у противоположной стороны страх, особенно в области владельческих отношений[15].

Относительно второго способа существовало следующее правило: Clam (factum id videtur esse), quod quisque, cum controversiam haberet habiturumve se putaret, fecit. – Тайно сделанным считается то, что сделал кто-либо, хотя о вещи ведется (или, по мнению действующего лица,

---

[11] См.: *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 87–88.

[12] Римское частное право: учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юрист, 1994. С. 51.

[13] См.: *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения): пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. С. 152.

[14] Там же. С. 308, 327.

[15] *Бартошек М.* Указ. соч. С. 328.

будет вестись) судебный спор (D. 50.17.73.2). Здесь подчеркивалось, что действующее лицо поступало вопреки предписаниям судебных органов и воле других частных лиц.

Precario подразуевало порочное владение, при котором земля, полученная «по просьбе» (от preces – просьба), удерживалась прекаристом, несмотря на требование собственника о ее возврате (т.е. possessio precaria)[16], другими словами способ самоуправного поведения считался недозволенным и в том случае, если нарушались законные права противоположной стороны.

Закрепление в римском праве правила vi clam precario свидетельствует о первоначальном вытеснении и дисциплинировании самоуправства и стремлении власти превратить борьбу сторон в процессуально урегулированное рассмотрение споров органами государства. Многочисленные интердикты, например: interdicta retinendae possessionis, interdicta recuperandae possessionis, выступали против самоуправного поведения – vi clam precario, были направлены на удержание существующего владения и воспрепятствование каким-либо нарушениям другой стороны. Так к ним, например, относятся:

• interdictum Unde vi – направлен против того, кто физическим насилием вытеснил другого из владения земельным участком;

• interdictum Uti possidetis (в споре о владении недвижимостью), запрещающий обеим сторонам применять насилие против последнего добросовестного владельца, а ему позволяет силой вернуть себе владение, отнятое у него vi clam precario[17].

Развитое право предполагало, что насильственные действия могли предприниматься заинтересованными лицам в своих интересах лишь в чрезвычайных случаях, когда самоуправство было лишь средством защиты против неправомерного нападения, направленного против лица или его имущества (например, насильственного удаление с земельного участка, D. 43. 16. 1. 28)[18], а также, когда произошла бы невозвратимая утрата права (например, допускалось задержание беглого должника и арест захваченных им с собой денежных средств для удовлетворения претензий, D.42.8.16). Разрешалось самоуправство и в случае необходимой обороны[19]. По этому поводу Ульпиан повторяет записанное еще Кассием правило vim vi repellere licet – насилие дозволено отражать силой, и добавляет, что оно приравнивается к предписаниям естественного права – naturae comparatur (D.43.16.1.27). Далее, еще XII таблицами было дозволено убийство на месте застигнутого вора.

Si quis noctu furem occiderit, non dubitamus, quin lege Aquilia (non) tenebitur (Coll. 7. 3. 3). – Если кто-нибудь убьет ночью вора, то мы не сомневаемся, что (не) будет отвечать по закону Аквилия.

Но одновременно создавалась система и ограничений для разрешенного (правомерного) самоуправства.

… si autem cum posset adprehendere, maluit occidere, magis est ut iniuria fecisse videatur, ergo etiam lege Cornelia tenebitur (Coll. 7.3.3). –…если же он предпочел убить его (вора), когда мог только задержать, есть больше оснований считать его поступившим неправомерно. Следовательно, он будет ответственен также по закону Корнелия (преступление насилия – crimen vis).

Против нападений, направленных на отнятие вещей, допускается их самоуправное возвращение, но только при определенном условии.

---

[16] Там же. С. 377.

[17] Курс римского гражданского права. Общая часть / под ред. А.А. Карпова. М., 1886. С. 167; *Бартошек М.* Указ. соч. С. 157–158.

[18] Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 1999. С. 47.

[19] Курс римского гражданского права. С. 168.

Recte possidente ad defendendam possessionem, quam sine vitio tenebat inculpatae tutelae moderatione illatam vim propulsare licet (C.8.4.1). – Правомерному владельцу для защиты владения, которое он беспорочно имел, позволено отражать причиненное насилие в границах осторожной охраны.

Следует согласиться с мнением И.Б. Новицкого, когда он обозначает самозащиту с превышением разрешенных границ как самоуправство в тесном смысле слова[20]. Тогда закономерно, что самоуправство как действие самовластное, с применением принуждения и насилия будет обозначаться как самоуправство в широком смысле слова.

Вообще же действия по самоуправному взысканию были воспрещены декретами 389 г. Кредитор терял свое требование, если он пытался самовольно получить удовлетворение.

Creditores si adversum debitores suos agunt, per iudicem id, quod deberi sibi putant, reposcere debent: alioquin si in rem debitoris sui intraverint id nullo concedente, divus Marcus decrevit ius crediti eos non habere (D.48.7.7). – Кредиторы, если они выступают против своих должников, должны потребовать через судью то, что считают подлежащим уплате себе; в противном случае, если они овладеют имуществом своего должника, при отсутствии разрешения с чьей-либо стороны, Марк декретировал потерю ими прав требования.

По Юстинианову праву лицо, отнявшее без судебного решения свою собственную вещь, принуждался не только к возврату спорной вещи, но и к потере прав на нее. Отнявший же чужую вещь должен был не только возвратить ее собственнику, но и заплатить штраф в размере ее стоимости (Cod. Just. VIII. 4, 7)[21].

Интердикт о самоуправстве – unde vi – перешел из кодекса Юстиниана в последующие законы: Эклогу, Прохирон, Василики и Шестикнижие Арменопула, а именно:

Если кто-либо имеет тяжбу с кем-либо, не сказав властям, но самовольно, либо своей властью, либо с приложением силы наложит руку и захватит что-либо, то, если это притязание правильное, он лишится своей вещи и отдаст ее. Если он забрал что-либо чужое, то да будет он избит местным архонтом как сам себя сделавший экдиком, не будучи архонтом, и затем возвратит за это то, что взял (Ecloga priv. a. XVII, 33; Ecloga ad Proch. m., XVIII, 6; Proch. XXXIX, 49; Harm. VI, 7, 5; Bas. 50, 3, 55; Cod. Th. IV, 22, 3)[22].

Эклога в первой части статьи полностью следует Юстинианову праву – при наличии действительного права на что-либо не разрешалось самовольно, то есть без предупреждения властей, либо с применением насилия разрешать споры, возникшие по поводу этого права, во второй же части, где отмечается завладение чужой вещью, – сделан акцент на запрете самовольного удовлетворения своих претензий на эту вещь без участия властей, в связи с чем изменено и наказание. Из статьи вытекает, что суд на местах творил архонт (правитель), который и назначал экдиков – судебных исполнителей. Виновник же несет наказание за то, что он присвоил себе власть архонта и функции экдика, не имея на это соответствующих прав. Е.Э. Липшиц делает правильное замечание, что телесному наказанию виновный подлежал именно за присвоение судебных прав, или за осуществление самосуда[23]

[20] Римское частное право. С. 48.

[21] Курс римского гражданского права. С. 168.

[22] Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. ст., перев., коммент. Е. Э. Липшиц, М.: Наука, 1965. С. 68.

[23] Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 172.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.